

Переписка семьи пинежан Яковлевых

Письма крестьянской семьи Яковлевых — наиболее интересная из многочисленных находок археографической экспедиции на Пинегу 1990 г.¹ Они были получены в дар для Древлехранилища Пушкинского Дома от Бориса Николаевича Яковлева — старого знакомого ленинградских археографов, еще в конце 60-х и в 70-е гг. передававшего экспедициям Н. С. Демковой и Н. И. Николаева рукописи и старопечатные книги, принадлежавшие его матери. Теперь же Борис Николаевич разрешил нам осмотреть старый дом его родителей в д. Шотова Гора; здесь в небольшом сундучке среди разных бумаг и была найдена часть семейного архива — письма 1900—1940-х гг. Материалы такого рода уже несколько лет подряд привозят ленинградские археографы, однако такой архив поступил в Древлехранилище впервые (№ 764—771).² Большинство этих писем (всего их более 100) принадлежит руке одного человека — Ардалиона Ефимовича Яковлева (№ 764—766). Его письма охватывают два периода (с 1901 по 1909 и с 1926 по 1941 гг.) и адресованы родителям — Фелицате Николаевне и Ефиму Петровичу в д. Шотова Гора из Петербурга—Ленинграда, куда Ардалион уехал из дома двенадцатилетним мальчиком. Предыстория этого отъезда изложена в письмах 1901 г. в Шотову Гору тетки и крестной матери Ардалиона Ксении Николаевны Кротовой и ее мужа Дмитрия Николаевича (№ 769, л. 1—4). Пинежане родом, они содержали в Петербурге несколько торговых заведений — чайную, кухмистерскую, мелочную лавку — и просили прислать им крестника для помощи в торговле и на воспитание, с тем, чтобы «вывести его в люди». Ардалион приехал в Петербург 2 октября 1901 г.; в своем первом письме родителям он описал проделанный им путь — из Шотовой Горы до г. Пинега по «тракту» с ночевкой в д. Пиринемь, из Пинеги до Архангельска пароходом, а затем «на машине» по железной дороге из Архангельска в Петербург через Ярославль — и свои первые впечатления от жизни на новом месте в большом городе (№ 764, л. 3—4).

Однако, может быть, лучше характеризует отношение к нему в семье крестной одно из позднейших воспоминаний Ардалиона Ефимовича, изложенное им в письме к матери от 27 марта 1937 г.: «Было это еще давным-давно. Было мне тогда лет двенадцать. Сшили мне белый костюм.

¹ См.: Савельев А. А. Поездка на Пинегу в 1990 году // ТОДРЛ. Т. 47 (в печати).

² Здесь и далее в скобках дается шифр рукописи Пинежского собрания Древлехранилища ИРЛИ.

Вот я и пошел гулять, а дальше пошел дождь, как следует, появились большие лужи. Вот я шел по одному переулку, вижу большую лужу, ну и вообразил, что это наша родная Пйнега, конечно, бултых, бултых, нырялся вдоволь, да и домой. А девчонки на меня как взглянут... и подняли хохот на меня, а я что черт вымазался в грязи» (№ 765, л. 31—31 об.). Действительно, относились к нему, очевидно, как к родному: одевали, покупали игрушки, заботились о воспитании и развитии мальчика. Так, в письме от 4 сентября 1903 г. Ардалион пишет: «Милая и дорогая моя мамочка! Я был в царском дворце, и мы обошли весь дворец... Я сидел на царском стуле, и мы высмотрели всех царей комнаты и спальни, где они помирали, их кровати. И еще были в Эрмитаже, еще в Русском музее императора Александра Третьего» (№ 764, л. 44). Вместе с тем Ардалион работал, помогая дяде торговать в мелочной лавке. Летом 1903 г. лавку пришлось продать, а мальчика, чтобы он «не избаловался», решили отдать в ученики парикмахеру, и с осени 1903 г. до 1 октября 1907 г., когда он получил диплом, в течение четырех лет Ардалион обучался ремеслу. Из писем мальчика видно, как сложно было Ардалиону объяснить родителям, что такое «парикмахер», и доказать правильность своего выбора. Так, в письме от 2 сентября 1904 г. он пишет: «Милая мама! Хозяин у меня очень хороший, у него 6 магазинов, 10 человек учеников, наше дело очень чисто и хорошо. Я уже теперь считаюсь санктпетербургским ремесленником, а это очень почетное место», а на полях поясняет: «Парикмахерские — это называются наши магазины» (№ 764, л. 50). Однако односельчане, очевидно, рассказали матери о парикмахерах много плохого, так что Ардалиону пришлось не один раз защищать свою будущую профессию. Так, в письме от 9 апреля 1905 г. он пишет: «Милая мама! Вы не верьте тому, кто говорит, что парикмахеры пьянствуют, есть и люди хорошие, и как нужно себя вести. Я живу у хозяина хорошего, и так что я не думаю быть пьяницей и буду стараться как можно лучше жить» (№ 764, л. 62 об.).

Говоря о дореволюционных письмах Ардалиона, необходимо отметить еще одну характерную особенность: несмотря на то, что большая часть этих писем написана в 1905—1907 гг., в них нет ни одного упоминания о событиях первой русской революции. Вряд ли, однако, такое отношение к политике было у Ардалиона осознанным, скорее, эти события остались незамеченными, потому что не затронули сферы повседневных жизненных интересов мальчика.

Несколько иначе сложилась судьба старшего брата Ардалиона — Василия Ефимовича Яковлева. В ноябре 1904 г. он был призван на военную службу и до декабря 1907 г. служил в Финляндии, сначала в г. Або, а затем в Гельсингфорсе. Письма Василия родителям с военной службы — еще одна часть семейного архива Яковлевых (№ 770). В Финляндии конец 1905—1906 гг. стал временем наиболее крупных революционных выступлений. Вот как, например, описывает социально-политическую обстановку в Финляндии в конце 1905 г. современный историк: «В декабре 1905 г. (...) финляндские рабочие особенно активизировали борьбу за всеобщее избирательное право и однопалатное народное представительство. Повсеместно проводились собрания и демонстрации (...) 17 декабря (...) в Гельсингфорсе прошла мощная демонстрация рабочих (...) Несмотря на 20-тиградусный мороз, в демонстрации приняло участие около 5 тыс. человек. Демонстранты несли транспаранты с надписями: „Пролетарии всех стран соединяйтесь!“ (...) „Да здравствует социал-демократия!“ (...) Подобные же демонстрации состоялись 17 и 18 декабря в большинстве

финляндских городов и мест, где было рабочее население».³ Став свидетелем этих событий, Василий не мог не сообщить о них родителям; в письме от 25 декабря из Або он пишет: «Дорогие мои любезные родители, татинька, маминька, я сам себе дивлюсь: дома был как-то труслив, а здесь очень смел, никоно и не боюсь, гулять в город хожу почти каждой вечер, а гулять весело — чухны ходят партиями, поют и с влагами» (№ 770, л. 10 об.). Тонко ощутив окружающую его атмосферу эмоционального подъема, Василий не понял смысла происходящего, но это, очевидно, было непонятно не только Василию.

Довелось Василию стать свидетелем и отчасти участником и трагических событий. В письме от 13 августа 1906 г. он известил родителей, что их полк теперь стоит в Гельсингфорсе (№ 770, л. 21). Незадолго до этого, 17—20 июля, в Свеаборге — морской крепости неподалеку от Гельсингфорса вспыхнуло и было подавлено восстание воинского гарнизона. Известно, что две роты 3-го Финляндского стрелкового полка, в котором служил Василий, прибыли в Гельсингфорс из Або после полудня 19 июля, однако не принимали участия в подавлении восстания, а были использованы для поддержания порядка в самом городе и затем для охраны арестованных.⁴ В конце июля—сентябре состоялось несколько судебных процессов над солдатами и матросами — участниками восстания.⁵ Об этих процессах Василий также сообщает родителям; письмо 13 августа: «...очень много солдат арестовано, когда был бунт, за то сидят до суда 900 человек арестовано, 10 человек расстреляли солдат, а сейчас мы все охраняем рестованных» (№ 770, л. 21). Здесь имеется в виду приговор, вынесенный 28 июля и приведенный в исполнение 29 июля: было расстреляно 7 человек руководителей восстания, в том числе и два офицера. Довольно точно передал Василий и число арестованных: всего было арестовано по этому делу 967 человек. В письме 3 сентября: «...у нас здесь все за бунт еще судили, солдат 17 человек осудили к растреливанию, а 80 человек в катаржные работы» (№ 770, л. 24). Здесь Василий сообщает о суде, состоявшемся 31 августа, приговор был приведен в исполнение 5 сентября, было расстреляно 17 матросов и 71 человек приговорен к разным срокам каторги. Наконец, последний процесс над восставшими состоялся 7 сентября, когда к расстрелу было приговорено 4 человека, 24 на каторгу и 80 в арестантские роты. Об этом суде Василий пишет в письме, датированном началом октября 1906 г.: «...у нас солдат все еще судили за старой бунт и осудили больше всех 12 человек к растрелу, 30 человек в исправительные роты» (№ 770, л. 26). Некоторая приблизительность сообщаемых Василием цифр, возможно, говорит о том, что его источниками были не официальные сообщения, а устные рассказы, слухи и т. п.

Военная служба Василия закончилась в Гельсингфорсе год спустя, зимой 1907 г. Для его писем характерно стремление украсить рассказ пословицей, прибауткой, что как бы соответствует представлению о солдатском письме. Например, 9 января 1905 г. он пишет: «Я себя соблюдаю, помня ваши родительские наставления, чтобы я Богу молился, служил не ленился, слушался бы стариков, убегал дураков, а в кабак не заглядывал» (№ 700, л. 4 об.). 21 декабря 1907 г. уже Ардалион пишет домой о встрече с

³ Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905—1907). Петрозаводск, 1961. С. 123—125. Даты событий революции 1905 г. здесь и далее — по старому стилю.

⁴ Военные восстания в Балтике в 1905—06 гг. / Подгот. к печати А. К. Дрезен. М., 1933. С. 226.

⁵ См.: Там же. С. 236—239; Соколов В. Н. Свеаборг: военное восстание в 1906 году. М., 1933. С. 49—53.

Василием в Петербурге, при возвращении его из армии: после долгой разлуки братья сначала едва узнали друг друга (№ 764, л. 98). Важно отметить одну из черт, общую для их писем, — это уважение к знанию и образованию. Обращаясь к младшему брату Николаю, Ардалион пишет 19 ноября 1904 г.: «Дорогой Коля, ходи учись, старайся, здесь грамота много значит» (№ 764, л. 54). В письме 25 ноября 1906 г. ему вторит Василий: «Мама, отпишите мне, как Коля и Митя, ходят ли в училище, пускай учатся, грамота очень нужна на военной службе, грамотному человеку везде хорошо и служить легче» (№ 770, л. 28 об.—29).

Последнее дореволюционное письмо Ардалиона отправлено в 1909 г., первое письмо советского времени — в 1926 г. Переписка его с родителями в этот период, очевидно, не прерывалась, но эти письма до нас не дошли, и остается неизвестным, как прожил Ардалион Ефимович эти трудные годы.

Из писем А. Е. Яковлева советского периода (сохранились его письма 1928—1941 гг., № 765) трудно понять, где и кем он работает в это время: о работе ни он, ни его жена Мария почти ничего не пишут; ясно только, что до середины 1931 г. он работает индивидуально, а после поступает на государственную службу или в артель. 1 октября 1929 г. он пишет матери (отвечая, очевидно, на ее вопрос): «...а насчет колхоза, то, пожалуй, все вы скоро будете там, такова политика. Мне тоже скоро придется бросать все и идти в артель» (№ 765, л. 13). 13 июня 1930 г.: «...наверное, придется идти в артель, так как налоги с каждым годом увеличиваются и придется только на них работать» (№ 765, л. 20). То же в письме от 24 июня 1931 г.: «Должен идти тоже на службу или в артель. Взяли уже подписку 15 апреля, да я еще все тяну, а делать нечего, мне и так еще дали год свободно заниматься, а моих приятелей уже в прошлом году всех подобрали и давали сроку только два дня» (№ 765, л. 24 об.).

Письма А. Е. Яковлева матери советского времени также ничего не говорят о великих событиях и грандиозных трудовых свершениях, но они представляют значительный интерес, так как подробно характеризуют повседневный быт обычной ленинградской семьи в конце 1920-х—начале 40-х гг. Семья Ардалиона Ефимовича по советским понятиям не была бедной: он с женой и двумя детьми жил в отдельной трехкомнатной квартире, несколько раз лечился в санатории, каждое лето снимал дачу, но тем не менее их письма наполнены сетованиями на все ухудшающуюся жизнь, дороговизну, отсутствие товаров и продуктов. Так, 7 декабря ст. стиля⁶ 1927 (?) г. он пишет: «Мама, ты просила узнать насчет сукна: очень дело плохо, если бы нашел, то давно бы и сделал. В государственных абсолютно ничего нет, кроме зубного порошка и губной помады. А частник только остался в Гостином дворе один, и у него только бумажное сукно, и такая дрянь, просто смотреть противно и 23 рубля метр... Сейчас у нас вообще ни черта не купишь. Уж такого хлама, как бумазеи, фланели и ситца, и то дают по ордерам, а откуда их дают, черт их знает» (№ 765, л. 1—1 об.). 20 ноября ст. стиля 1928 г.: «Теперь у нас материи нет совсем, а все только готовое сшито и такое дерьмо, просто хлам и дерюга, абсолютно ничего хорошего нет. А за булками и хлебом очереди каждый день, не знаем, чем дальше кормить будут. Хлеб плохой, булки черные, а муки не продают и нет» (№ 765, л. 3 об.). 11 февраля 1929 г.: «Еще новость: хлеб и булки опять получаем по карточкам, а к концу года, вероятно, будем иметь одни карточки на руках» (№ 765, л. 8). 8 апреля 1929 г.: «...продуктов нет никаких; в день дают 1,5 фунта хлеба и столько же булок на

⁶ Так датирует некоторые свои письма советского периода сам А. Е. Яковлев.

мою семью, масла совсем нет и исчезло мясо, частной торговли не стало, и в кооперативах ничего нет. Не знаю, как будет дальше, а наступают, кажется, самые голодные месяцы...» (№ 765, л. 9). Из двух писем Ардалиона Ефимовича лета 1930 г. видно, как стремительно росли тогда цены. 13 июня он пишет: «С продовольствием здесь тоже скверно, ничего нет по книжкам. Все приходится у крестьян покупать: масло 1 ф. 4 рубля, яйца 10 шт. 2 руб. и так далее. Сахар 1 кило 3 р. 60 к...» (№ 765, л. 20). 9 августа: «Здесь (...) страшно голодно — нет ничего. Абсолютно пусто, даже зелени и той нет, нет ни мануфактуры никакой, ни сапог, ну ничего, ничего. Точно вымерло все, опять надо привыкать. Хлеб по карточкам, обед тоже, только что называется обед, а есть невозможно. Масло 9 р. фунт, сахар тоже. Не знаю, что будет дальше» (№ 765, л. 21 об.). Таким образом, с июля по август цены выросли почти вдвое. И это положение не улучшается, судя по переписке, до самого предвоенного времени. Письмо 20 мая 1941 г.: «Нынче еще пока и на дачу не собираемся, да и как ни послушаешь, кажется, все собираются в городе жить, безденежье страшное. Зарплата снижена, а прожить все дороже и дороже стоит...» (№ 765, л. 38). Конкретные факты перемежаются в письмах с сожалениями об ухудшении жизни в целом. 18 июля 1929 г. Мария Яковлевна, жена Ардалиона Ефимовича, пишет свекрови: «Милая мама, не у одних у вас жизнь плохая стала, и здесь не сладко живется, дороговизна ужасная, да еще и налоги, поборы разные, только успевай поворачиваться» (№ 765, л. 12). 14 июня 1936 г. она же: «Живем все по-старому. Жизнь хоть и говорят, что „веселая и счастливая“, но я не могу это сказать про свою, живется довольно трудно, но что поделаешь, приходится вывертываться» (№ 765, л. 30 об.). По тому же поводу иронизирует и Ардалион Ефимович в письме от 27 марта 1937 г.: «...живем по-новому да богатеем, не по-вашему стонем. Вы побольше газет читайте и вы зажиточными будете, а то привыкли стонать да охать» (№ 765, л. 31).

Думая о своих детях и понимая, что та новая жизнь, которой придется им жить, будет неизмеримо хуже прежней жизни их родителей, Мария Яковлевна пишет 18 марта 1932 г.: «Жизнь так тяжела (...) никто не видит радости: ни старые, ни молодые. Вот еще дети не понимают, дак еще ничего. Но и ребятам не сладко живется, они и в глаза не видят того, что мы раньше могли есть каждый день» (№ 765, л. 26 об.). Естественно, что не только в еде заключался для Марии Яковлевны и Ардалиона Ефимовича прежний уклад жизни. Прежняя жизнь представлялась им чем-то несоизмеримо большим, и, чувствуя, что эта жизнь, их жизнь, невозможно уходит, они, как могли, стремились сохранить в своем быте хотя бы какие-то ее черты. Особенно хорошо это видно в их отношении к календарю, даже к таким, казалось бы, мелочам, как старый и новый стили: ведь до начала 30-х гг. Ардалион Ефимович датирует свои письма только по старому стилю. Излишне говорить о том, что ни в одном их письме нет ни одного упоминания о каком-либо новом пролетарском празднике, но до самого 1941 г. они, как и 30 лет назад, поздравляют мать с великими христианскими праздниками: Покровом, Рождеством и Крещением, Пасхой. Однако и в этой сфере их жизни происходили необратимые перемены. В письме от 7 декабря ст. стили 1927 (?) г. Ардалион Ефимович отмечает: «А у нас нынче и елки не будет. Запрещено, кто повезет, то штрафуются до 100 руб.» (№ 765, л. 2). 25 марта 1930 г.: «Вы, наверное, уже к праздничку готовитесь? А у нас теперь все будень, даже и воскресенье не стало» (№ 765, л. 18). 1 апреля 1932 г. Мария Яковлевна: «У нас в Ленинграде скоро и церквей не будет, все переломают, одну за

и сносят» (№ 767, л. 1). 30 марта 1939 г. Ардалион Ефимович: «...ждем праздничка, а праздничного настроения нет, все как будни. Церквей у нас тоже почти не стало, а звону нет совсем» (№ 765, л. 27 об.). 10 апреля 1939 г.: «У нас почти все церкви закрыты, на Пасхе и то не побывали» (№ 765, л. 35 об.). И наконец, 19 января 1937 г.: «Как проводили Святки? Я про свои не пишу, потому что их нет у нас... Сегодня Крещение, а все работают и учатся, как будто и праздника нет» (№ 767, л. 2).

Последнее, что осталось у А. Е. Яковлева и не оставляло его на протяжении всей его жизни, давая новые силы, — это его воспоминания о детстве и о родной Пинеге. Несмотря на то, что в одном из своих первых писем матери из Петербурга двенадцатилетний мальчик написал: «Милая моя мама, я теперь пожил в Петербурге и не еду ни за что в деревню, потому что в деревне все серость» (№ 764, л. 11 об.), воспоминания о недавнем прошлом, как о чем-то светлом, не оставляли его уже тогда. Так, в 1902 г. он пишет домой, обращаясь к младшему брату: «Саня, кто в Игнатьевщине траву брал и боронил, отпиши. Поля да Ваня, вы помните, как мы пошли в Игнатьищину, пошли брать траву, и я наклам полную корзинку песку, а папа бежит: Польку поймал, а меня нет. И потом приехал Васька боронить и говорит: „Ребята, берите траву скорее, нам тата дас всем по гривенику, и самовары наставили“. Мы скорее траву выбрали и пошли домой, а нам всем потробки попало. Вот Васька как соврал. Вы помните? А я помню, как траву брали» (№ 764, л. 21 об.—22). С особой силой эти воспоминания нахлынули на Ардалиона Ефимовича в 30-е гг. Письмо матери 9 августа 1930 г.: «Сейчас пишу вечером поздно, тишина кругом, хотелось бы с тобой поговорить и посмотреть на тебя, как ты выглядишь. А то что-то совсем стал забывать. Помню еще, как ты нас (...) помелом возила, а уж и понадоедали мы тебе, но тогда была жизнь настоящего детства. А помнишь, мама, я тебе все помелья делал и солому рубил? Дрова носил, улицу огребал? А какое у нас тогда веселье было, думается уж и действительно весело, а сейчас как сон вспоминается» (№ 765, л. 22—22 об.). 22 января 1931 г.: «Играют ли у вас теперь с чепцем-то? И катаются ли с завозов? Ах, бывало, как хорошо: увозишься, придешь, а ты, маминька, венником отвозишь, и с каким потом аппетитом на печке уснешь? Помнишь? Нет, наверное, ты теперь все забыла, как ведь это давно было» (№ 765, л. 23—23 об.). 27 марта 1937 г.: «Вот, матушка Филя, мои архаровцы все не верят, что я у тебя восьми лет косил и жал, коня Воронка пас, солому тебе на подстилку Бурaxe рубил, за травой ходил, за Бурaxой в Носовку бегал, коров в тетник гонял. Снопы в овин покойничку Ефиму Петровичу подавал. Ой, да мало ли чего я не работывал, и дров наношу, и за водой съезжу на матрениной кобыле...» (№ 765, л. 31 об.). Удивительно, что человек, двенадцати лет от роду оставивший свою деревню и приезжавший туда всего два или три раза в гости, через тридцать пять лет помнит как что-то важное и главное в жизни мельчайшие детали и события своего детства.

Небольшую, но особо ценную для нас часть архива Яковлевых составляют письма, полученные из блокадного Ленинграда. Это последнее письмо Ардалиона Ефимовича, адресованное брату Александру и датированное 17 декабря 1941 г. (№ 766, л. 4), и шесть писем 1942—1944 гг. Марии Яковлевны к свекрови и Александру Ефимовичу Яковлеву (№ 767, л. 4—7; № 768, л. 1—5). Именно в письме к младшему брату Ардалиона Ефимовича Александру от 3 января 1943 г. она рассказала о смерти мужа и сына: «Ты хочешь знать про Адю и Юру... Я была ранена снарядом очень тяжело и пришлось 4 месяца лежать в лазарете и все-таки потерять совсем ногу.

А в это время у нас в Ленинграде очень голодно было, продуктов выдавалось очень и очень мало (125 г. хлеба на день), а хозяйки в доме настоящей не было, все шло не так, как надо было. Надо было все продавать, менять на еду, они этого не делали и в результате заболели истощением. Я вышла из госпиталя в феврале, а через месяц их не стало. Если бы ты мог их видеть, во что они превратились, это были живые скелеты, и я ничем не могла их вернуть к жизни» (№ 768, л. 1). Из другого ее письма известно, что Ардалион Ефимович умер 11 марта, а его сын Юрий — 6 марта 1942 г. (№ 767, л. 4).

Небольшой крестьянский архив... Уникальность этих писем в том, что с их страниц перед нами во всей полноте встает жизнь простого человека — Ардалиона Ефимовича Яковлева — сына пинежского крестьянина, приехавшего в Петербург, чтобы «выйти в люди» и, как он писал в юношеском письме матери, «постараться прожить свою жизнь как можно лучше», несмотря на все социальные катаклизмы и великие перемены, современником которых он был. И, может быть, есть какая-то закономерность в том, что эти письма, вернувшись с Пинеги в Петербург, откуда и были посланы, оказались теперь в Древлехранилище Пушкинского Дома, которое как хранилище и большей части известных пинежских рукописей восстанавливает порванные нити, связывавшие некогда столицу России и деревни на берегу далекой северной реки.